

УДК 1(091):316:304.9:930.1

ВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ НА ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ МАКРОСОЦИОЛОГИИ

Н.Н. Равочкин

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный сельскохозяйственный институт»,
г. Кемерово

Рассматривается влияние философских идей на функционирование политико-правовых институтов с позиции исторической макросоциологии. Теоретико-методологической базой настоящей статьи послужили работы отечественных и зарубежных исследователей. Представлены предметная область и статус избранного направления, а также неоднородность интерпретаций в описании социальных процессов. Показано, что философские идеи являются фундаментом формирования и трансформации социальных реалий. Исходя из многозначного предназначения философии в контексте исторической макросоциологии, выделяются теоретическая, прогностическая, детерминационная роли ее интеллектуальных конструкций.

Ключевые слова: *идеи, историческая макросоциология, политико-правовые институты, исторический процесс, общество.*

Философские идеи и определение их роли, что детерминирует изменения в различных сферах общественной жизни, становятся объектом исследования относительно недавно – с появлением интереса к феномену интеллектуальной истории. В зависимости от стоящих перед субъектом задач их можно исследовать на разных уровнях практического воплощения. Одним из таких уровней является современное направление – историческая макросоциология. Перед тем как выявить, каково влияние философских идей на трансформацию политико-правовых институтов в рамках данной концепции, необходимо уточнить ее суть. Для этого обратимся к мнению одного из основоположников данного направления – новосибирского философа Н.С. Розова, считающего, что «историческая макросоциология – междисциплинарная область исследования, в которой изучаются механизмы и закономерности крупных и долгосрочных исторических процессов, таких, как происхождение, динамика, трансформации, взаимодействие, гибель обществ, государств, мировых систем и цивилизаций» [14, с. 151]. Из этого тезиса становится ясно, что предметное поле данного направления практически совпадает с мировой историей. Вместе с этим анализ других работ Розова также позволяет определить, что историческая макросоциология занимается изучением вопросов, традиционных для философии истории. Основное различие состоит в том, что рассматриваемое направление использует методологию не только философии, но и подключает другие социально-гуманитарные учения: историографию, геополитику, экономическую историю и ряд других синтетических наук [11–13; 15].

Таким образом, изначально с середины XIX столетия социологическая наука формируется исключительно как макросоциология и оказывается пер-

вичной по отношению к теоретической и уж тем более к практической, экспериментальной социологии [16]. Это следует из анализа трудов М. Вебера, О. Конта, К. Маркса, Г. Спенсера, А. Тойнби, О. Шпенглера и многих других классиков социологии. В работах этих исследователей уже разрабатываются положения, где описываются цивилизации и рассматриваются процессы развития обществ и государств. Соответствующими теоретико-методологическими основаниями, подтверждающими нашу правоту, становятся, например, научно-институциональный подход (О. Конт), общественно-экономическая формация (К. Маркс), культурно-исторический подход (О. Шпенглер), технологический детерминизм (Д. Белл). Выходит, что представители исторической макросоциологии не имеют единства в интерпретациях процессов, протекающих в мировом социуме. Скорее всего, именно в зависимости от степени заинтересованности они фокусируются на различных событиях и деятельности в рамках регионов и цивилизаций, формируя тем самым методологические установки.

Одним из вариантов предмета их исследований являются, в том числе, и процессы, связанные с генезисом, функционированием и трансформацией политико-правовых институтов. Актуальность исследований институциональной проблематики в рамках социальной философии обосновано хотя бы тем, чтобы, например, объяснить поведение акторов в конкретных социокультурно-экономических параметрах общества, определение траекторий развития государств, изменение их властных структур на различных уровнях и правовых систем. Через участие акторов в политико-правовых процессах институциональная среда задает параметры данной стороны социального бытия в его множественных связях с другими сферами. В своем стремлении описать генезис и трансформации данных институтов классики и современные представители исторической макросоциологии выявляют многообразные основания, влияющие на них. Философские идеи как раз выступают одним из таких оснований, влияние которых порой маркируется как самое существенное. Философские идеи оказывают влияние на существование и трансформацию политических и правовых институтов как напрямую, так и косвенно. Необходимо отметить, что философия и конкретные идеи, сформированные в ней, выполняют несколько функций, что, в конечном счете, определяет степень влияния на трансформацию абсолютно всех политико-правовых институтов как конкретного социума, так и мирового сообщества [10]. Можно утверждать, что интеллектуальные конструкты философов влияют на трансформацию политико-правовых институтов главным образом через выполнение ими ряда задач, к которым относятся традиционные для философии теоретическая, мировоззренческая, прогностическая и многие другие функции. Считаем необходимым отметить, что философские идеи влияют на трансформацию рассматриваемых институций хотя бы через факты того, что в рамках философских исследований формируется разностороннее теоретическое осмысление процессов, протекающих в обществе и политико-правовых измерениях, причем на самом фундаментальном уровне через раскрытие предельных оснований.

По мнению американского историка и социолога Стивена Сандерсона: при изучении процессов, протекающих в истории политико-правовых институтов, важным содержательным моментом становится теоретическое основание выбранного подхода. Исследователь показывает, что в современной исто-

рической макросоциологии существует несколько позиций, определяющих принципы изучения рассматриваемых институций в контексте мирового исторического процесса [20]. К таковым можно отнести подходы, сформированные Ф. Броделем (школа анналов), И. Валлерстайном, К. Чейз-Данном (мир-системный анализ), Т. Парсонсом (структурный функционализм), Р. Коллинзом (сетевая теория) и рядом других мыслителей. Утверждая возможность практической реализации положений своих теорий, представители исторической макросоциологии (например, Р. Коллинз и его тезисы о генезисе политико-правовых институтов с привязкой к контексту конкретной социальной и интеллектуальной среды [5]) определяют важность их исследования, как и идейных модификаций и конфигураций, для постижения сущности и дальнейшего функционирования политико-правовых институтов.

Начиная с Античности, философские идеи сопоставляются с теоретическим мышлением. Причем такое мышление и познание предполагают определенную методологию когнитивной деятельности, а именно – созерцание. Путь философа является путем истины через созерцание бытия и способность увидеть единство мира в мировом масштабе и в конкретных формах его проявления [9]. Уже Аристотель производит разделение всего теоретического множества философских идей на так называемые «созерцательную мудрость» и управляющее праксисом «здравомыслие». Даже после непродолжительного бытия философии Античность создает огромное количество концепций, в которых наблюдается неодинаковое видение сущности власти, что отчетливо прослеживается С.Г. Бариновой в статье «Генезис социально-философских концепций власти» [2]. Тем не менее каждый из мыслителей обосновывал свои идеи той формы управления государством, которая наилучшим образом реализовалась бы в обществе. Например, Аристотель в трактате «Политика» указывает на преимущества и недостатки разных форм государственного устройства [1, с. 455–471], обозначая причины, по которым имеет смысл стремиться формировать именно тот, а не другой тип политического устройства государства.

Налицо восприятие философских идей как фундамента, соответствующего деятельности познания. Соотношение теоретического и практического значений философских идей сводится к следующему. Так, в рамках первого из них человек есть существо, наделенное спекулятивным разумом, а его задача главным образом видится в «созерцании божественных идей и заботе о созерцании как таковом» [8]. Во втором же значении, сопряженном с политической и правовой сферами, являющемся частью общества, индивид воспринимается уже в качестве гражданина, деятельность которого сообразована со «справедливостью» и проявляется главным образом в его заботе о добродетелях [18, с. 37]. Вдобавок к этому философские идеи позволяют выяснить сущность предмета. И если предметом изучения является социум и его политико-правовые институции, то интеллектуальные конструкты позволяют постичь их сущность, помогая в последующем в рамках определенного исторического отрезка и региона проследить смену институциональных образований.

Из вышеизложенного следует, что философские идеи формируют основание для любого рода социальных реалий. Таким образом, сущностное, суть философское, изучение власти как механизма управления и политических, и правовых институтов как основных субъектов властных отношений способно приводить к практическому воплощению определенного типа госу-

дарственного устройства, определять основные механизмы и техники управления государством в целом и его частями в частности. Из этого следует, что философские идеи формируют основание для любого рода социальных реалий, позволяя сформировать теоретические и методологические основания политико-правового дискурса. Данный дискурс через свое воплощение в системе политических и правовых институтов формирует систему прав, обязанностей и функций, которые принадлежат каждому участнику социально-политической организации общества. Обращение к бесценному опыту античной философии в историко-макросоциологическом ключе позволяет нам определить тот факт, что генезис институтов определяется прошлыми институциями – и это требует учитывать «детерминацию прошедшим временем». Поскольку мы понимаем, что в отличие от сменяющих друг друга поколений людей институты как устойчивые образования существовали, существуют и, вероятней всего, продолжат свое существование через обретение ими неформ, мы определяем «неэффективность функционирования» институтов как ключевую детерминанту их сменяемости. Отсюда стоит сделать замечание, что применительно к сегодняшнему дню и определению векторов и логики динамики государств в историческом процессе исследовательское внимание следует сосредоточить на нововременных политико-правовых образованиях как прототипов современных нам институтов и соответствующих выявлениях закономерностей их функционирования.

Придерживаясь такой логики, можно согласиться с С. Сандерсоном в вопросе о влиянии философских идей на формирование и трансформацию политических и правовых институций. Исследователь предлагает модель всемирной истории Марвина Харриса, которая отражает эволюцию цивилизации и государства [20]. Суть в том, что данная методологическая программа исследователя основывается на конкретных положениях – философских идеях о принципах и путях эволюции государства как политико-правового суперинститута и всех его элементов. Более того, соглашаемся с Сандерсоном, что исторический процесс можно изучать через историю науки с учетом принципа противоборства между соответствующими концепциями, по-разному трактуя процесс генезиса и трансформации политико-правовых институций. Применительно к нашей панораме исследований полезным является его пример о противоборстве материалистической и социологической (веберовской) традиций понимания трансформаций в области политики и права.

Другой формой влияния философских идей становится выполнение ими прогностической функции. Эта функция приобретает особую значимость за счет непредсказуемости и усложнения современного мира. Философские идеи позволяют произвести фундаментальный анализ существующих процессов с обращением к накопленному опыту и понять исходные условия и испытываемые воздействия. Также при помощи набирающей популярность футурологии становится возможным определить траектории, которые пройдет общемировой социум и его регионы в определенное время. Те же методологические программы Ф. Бэкона и Р. Декарта позволили, например, осуществиться идеям, высказанным П.С. Лапласом о жестком детерминизме как однозначной и необходимой связи двух явлений. Учитывая современные реалии, ретроспективность истории и возможности частичного выстраивания образа будущего, отметим следующее. Историческая макросоциология задает модель так

называемого «многоуровневого детерминизма», в котором учитывается плюрализм и ранжирование не только всей совокупности факторов, но и философских интеллектуальных конструктов, проявляющихся в функционировании политико-правовых институций.

Одним из таких примеров является позиция Р. Коллинза, утверждающего, что изучаемое нами влияние реализуется через формирование базовых положений о протекающих в том или ином социуме процессах. После этого следует переходить к изучению множества закономерностей идейных оснований развития в государстве социального, политического и правового элементов [19]. На своем примере исследователь показывает, что исходит из идей, согласно которым государства являются результатом монополизации законной силы на конкретной территории. В качестве базового принципа функционирования властной системы Коллинз выдвигает положение, что каждая идея выступает своего рода переменной для политики и права. В результате формируется теория условий, при помощи которых можно вполне эффективно определить геополитические взлеты и падения властных полномочий на конкретной территории. Более того, на том же основании объясняются и последствия, которые вытекают из этих изменений власти. В рамках институционального взаимодействия на международной арене и внутри государства институты как «правила игры» (Д. Норт) являют собой не что иное, как установленную людьми форму соглашений (причем равнозначных, независимо от рассмотрения какого-либо политико-правового института в отдельности), основной целью функционирования которых является выигрыш. В целях достижения побед на мировой политической арене могут рассматриваться инициативы по большей демократизации института прав человека и соответствующего представления правоприменительных систем одних государств в позитивном ключе, а других – в негативном. Во внутреннем аспекте функционирования через установление некоторых ограничений властные субъекты могут инициировать, например, защиту государственного суверенитета.

На основании выдвинутых в данной теории положений Р. Коллинз приходит к выводу, «что легитимность правителей изменяется вместе с внешним престижем могущества... их государства; в конечном счете, этот вывод повлек за собой объяснение революции как потери легитимности и контроля над средствами принуждения. Таким образом, геополитическая теория стыкуется в трактовке революции с теорией распада государственных ресурсов... смыкание этих двух теорий показалось мне дополнительным свидетельством того, что данная модель была на верном пути» [4, с. 235]. В данном случае можно предположить, что обращение к философским концептам, раскрывающим сущность государства и содержание властных полномочий, создает основу для определения закономерностей генезиса и трансформаций политико-правовых институтов в привязке к историческим этапам и государствам. Более того, можно утверждать, что в коллинзовской концепции необходимым условием для формирования и развития философско-политических и философско-правовых идей оказывается среда, в которой эти интеллектуальные конструкты возникают. Для более наглядной аргументации приведем мнение В.И. Красикова: «Сама рефлексия понимается Коллинзом не как индивидуализированное исследование глубин собственного сознания... а именно как групповой феномен интеллектуальной сети. Рефлексия – это развивающееся самоизуче-

ние отношений между позициями в пределах порождаемого сетью и усложняющегося разума» [7, с. 8–9]. Таким образом, философская деятельность имеет определенные внешние проявления, поэтому способна существовать независимо от того, существуют ли эти внешние проявления идей как таковых. Она детерминирована скорее внутренними характеристиками, способами мышления как онтологическими и гносеологическими основаниями, что позволяет говорить о своего рода «врожденной способности» интеллектуального сообщества к (вос)созданию определенных политических и правовых идей, а их практическая реализация позволяет формировать те или иные политико-правовые институты. Понимание интеллектуальных философских конструкций определяет принципы оформления власти в государстве. Именно по этой причине знание сущности идей дает возможность предсказать в первую очередь саму возможность применимости или неприменимости конкретных форм политического устройства и правовой системы в том или ином государстве. Так, в одних обществах применима демократическая форма правления, которая может быть использована на том основании, что она выражает общеполитические и частные воззрения граждан. В других же государствах, наоборот, преобладание авторитарных и тоталитарных параметров во главе организации политики будет наиболее эффективным.

Следующим аспектом влияния философских идей на трансформацию политических и правовых институтов в свете исторической макросоциологии становится уже упомянутая «детерминационная» функция. Сущность этого принципа состоит в необходимости следования существующему набору законов и правил законов. Каждое последующее состояние любого предмета заранее запрограммировано состоянием предыдущего состояния, а также основными принципами и правилами существования предмета, которыми в нашем случае становятся исторические закономерности. Карл Гемпель в стремлении выделить закономерности исторического процесса в качестве «общего закона» понимает «утверждение всеобщей условной формы, которое может быть подтверждено или опровергнуто соответствующими эмпирическими открытиями. Термин “закон” предполагает идею о том, что рассматриваемое утверждение действительно хорошо подтверждено имеющимися в распоряжении релевантными данными. Поскольку это определение во многих случаях не соответствует нашей цели, мы будем часто использовать термин “гипотеза универсальной формы”, или кратко — “универсальная гипотеза”, вместо “общий закон” и при необходимости отдельно формулировать условия достаточного подтверждения» [3, с. 13]. Для нас такое определение законов означает, что в историческом процессе, равно как и в процессе формирования политических и правовых институтов, реализуются универсальные принципы бытия всех социальных субъектов. При этом Гемпель содержательно не разводит законы физического мира и законы социального и политического мира, поскольку для него они имеют единую природу. Следует отметить, что исследователь проводит аналоговый перенос от физических закономерностей к социально-историческим, что далеко не всегда дает достоверное заключение, однако в некоторых случаях образованный на стыке исторической и естественных наук инструмент позволяет сформулировать самые общие представления об изучаемом предмете. Пожалуй, следует согласиться с мнением Гемпеля о том, что «главной функцией общих законов в естественных науках является соедине-

ние событий в устойчивые структуры (паттерны), которые обычно считаются *объяснением и предсказанием*» [3, с. 14]. Если использовать применяемый аналоговый перенос от естественных законов к их социальному выражению, это означает, что в государстве наличествует множество закономерностей, позволяющих выявить паттерны в политико-правовой реальности, определить их нормативное положение и стремиться объяснить процессы их возникновения, формирования и взаимодействия. Следовательно, философские идеи детерминируют трансформацию рассматриваемых нами институтов через введение в соответствующие сферы фактора объяснения причин и сущности принципов, в соответствии с которыми функционируют политико-правовые институты.

Кроме того, философский анализ политических и правовых институтов позволяет определить их нормативную сторону. Нормативность как свойство социальной системы является в целом универсальным основанием развития общества как системы, а не только проявляется в политической и правовой сферах. Например, существуют нормативные основания исторического развития социальной системы, что означает наличие множества закономерностей достижения общепланетарным бытием своего нынешнего состояния. Для снижения глубины допускаемых ошибок исследование институциональных нормативных сторон должно осуществляться при помощи строгого логического компаративного анализа действующих в контексте того или иного государства институтов и присутствующих в рамках рационального выбора альтернативных реалий, но никак не с моделируемыми и проектируемыми институциональными системами, которые теоретически могут действовать эффективнее. Это значит, что политический и правовой процессы, равно как и сами институты, должны содержать в себе те или иные нормативные основания, подчинение которым позволяет сформировать конкретные институциональные формы. В этом случае философские идеи служат основанием для объяснения природы оснований для формирования конкретных форм политики и права в данном государстве.

Исследователь А.В. Коротаев делает акцент на существовании концепции, занимающей доминирующее положение в интеллектуальной среде современного общества. Основная суть этой теоретической системы выражается им в следующем виде: «...функциональное и развитие социальных организмов определяются объективными социологическими законами. Раз эти законы объективны – значит, существуют они независимо от нашего сознания, наших желаний, устремлений и т. д. Если уж объективные социологические законы толкают общество в определенном направлении (например, обуславливают закономерную смену формацией В формации А), то именно в этом направлении общество и пойдет – даже если мы этого совершенно не хотим и делаем все возможное, чтобы предотвратить подобную социальную трансформацию» [6, с. 204]. Итак, представленное понимание законов своим основанием уходит в естественные науки, где и утверждается так называемый «жесткий детерминизм», суть которого проявляется в однозначной связи причины и следствия, утверждая заранее predetermined следствия. Применим такое понимание законов к социальным системам. Отсюда следует, что история тех или иных государств в контексте мировой истории движется в определенном направлении в соответствии с конкретными законами: экономическими, социальными,

политическими, технико-технологическими. Причем данное развитие с точки зрения сущности этих закономерностей заранее предопределено, соответственно конечный результат известен изначально. Делаем вывод, что социальные закономерности сущностно отличаются от физических, поскольку область их регламентации предполагает учет наличия у субъектов сознания. Таким образом, индивиды, группы, страты и другие субъекты преследуют (бес)сознательные цели и способны оказывать различное влияние на исторический процесс: «они могут его замедлить, ускорить, повернуть на какое-то время вспять, даже прекратить его» [6, с. 204]. Здесь мы видим не только возможность видоизменения способов и форм протекания исторических процессов, но и то, что социальные субъекты не дают в полной мере реализоваться идее физического детерминизма по причине неизвестности (а также буквально неограниченности) и нерегламентированности степени их возможности влиять на политические, правовые, экономические и прочие процессы.

Из вышеизложенного следует, что существенное, если не решающее значение в процессах имеет человеческий фактор. Философия истории, к которой близка макросоциология, стремится изучить всю совокупность факторов, влияющих на процесс развития цивилизации. Рефлексия процессов макросоциального развития приводит к формированию описаний его конкретных форм и закономерностей, а также к выделению приоритетных для исследователей факторов, влияющих на развитие общества. Приобретая знания о предмете, философы генерируют свои идеи, которые в собственном виде, но чаще в модификациях и конфигурациях применяются для анализа актуальных, в нашем случае связанных с властью, ситуаций и событий. Это подтверждает тезис о возможности прикладного применения философских идей для определения направлений возможных образований, смен и трансформаций политико-правовых институтов. Политические субъекты как участники политического процесса вполне могут оказывать то или иное влияние на трансформацию политических и правовых институтов на основании знаний законов социального развития и понимания особенностей влияния социальных субъектов – участников общественного и политического процесса. Можно вспомнить, что некоторые политические лидеры бывших метрополий принимали участие в работе парламентов своих бывших колоний. Более того, «провозглашая демократические принципы правления, африканская политическая элита рассчитывала на поддержку и получение экономической и иной помощи от развитых западных государств» [17, с. 53]. В итоге мы видим, что посредством переноса, простого, необдуманного и не учитывающего контекстуальные реалии того или иного государства, происходит наложение одной политической формы на другую.

Итак, можно утверждать, что философские идеи, возникающие в ходе анализа исторического процесса, становятся основанием для политико-правовой практики. С точки зрения представителей исторической макросоциологии, эти идеи дают повод для постижения сущности актуальной политической и правовой ситуации в конкретном обществе, государстве, регионе и даже мире в целом. Кроме того, поскольку реальность требует прикладного характера философии, она направлена на формирование у политических элит интенций к конкретным действиям. Эта деятельность видоизменяет их отношение к имеющейся в конкретном обществе политико-правовой реальности и ее институциональному оформлению. На основании рационального выбора и

альтернатив элиты производят институциональные изменения в соответствии с рецепцией тех или иных философских идей. В итоге в зеркале мнений представителей макросоциологии философские идеи оказываются действующими во всем множестве модификаций и конфигураций детерминантами (не)эффективной политико-правовой институциональной организации. Эффективность функционирования институций зависит от глубины постижения их сущности, свойств и функций, что позволяет определить базовые механизмы и принципы взаимодействия.

Помещая нормативность в фокус исследований исторической макросоциологии, ее представители неизбежно артикулируют философские идеи о «нормах» и «правилах» в исторической, социальной, политической, правовой, экономической и других сферах. В результате использования данных идей появляется возможность сформировать принципы и правила существования конкретных политических и правовых институтов. В историческом аспекте философия как форма мировоззрения, равно как в период своего генезиса, так и на различных этапах своего развития, оказывает существенную идейную детерминацию социальных перемен. Векторы изменений в области политики и права неизбежно сопряжены с популярностью и преобладанием на том или ином историческом отрезке определенных течений и школ. Дополнительную привлекательность идейных философских конструктов создают аксиологические основания рассматриваемой в дискурсах социальной проблематики. В конечном счете соответствующие акторы получают возможность оценивать перспективы развития различных социальных структур, что дает возможность выявить тенденции развития политико-правовых отношений на определенных этапах цивилизационного бытия.

Список литературы

1. Аристотель Политика // Аристотель. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 375–644.
2. Барина С. Г. Генезис социально-философских концепций власти // Вестн. КрасГАУ. 2012. № 5. С. 477–480.
3. Гемпель К. Функции общих законов в истории // Время мира. Новосибирск: НГУ, 1998. Вып. 1. С. 13–26.
4. Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: случай советского коллапса // Время мира. Новосибирск: НГУ, 1998. Вып. 1. С. 234–278.
5. Коллинз Р. Социология философий. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1274 с.
6. Коротаев А.В. Объективные социологические законы и субъективный фактор // Время мира. Новосибирск: НГУ, 1998. Вып. 1. С. 204–233.
7. Красиков В.И. Философия: потеря социологической девственности? // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2010. № 1 (9). С. 5–16.
8. Лахонин М.В. Теория как созерцание: к истокам формирования понятия // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16. № 1. С. 27–30.

9. Парменид. О природе // Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989. С. 274–298.
10. Равочкин Н.Н. Философские идеи как детерминанты социальных изменений // Социально-политические науки. 2018. № 6. С. 97–100.
11. Розов Н.С. Идеи и интеллектуалы в потоке истории: макросоциология философии, науки и образования. Новосибирск, 2016. 344 с.
12. Розов Н.С. Идеи и ошибки марксизма в свете исторической макросоциологии // Идеи и идеалы. 2018. Т. , № 4 (38). С. 42–60.
13. Розов Н.С. Интеграция фундаментальных проблем современной философии истории и макросоциологии // Метод. 2014. № 4. С. 261–279.
14. Розов Н.С. Историческая макросоциология: становление, основные направления исследование и типы моделей // Общественные науки и современность. 2009. №2. С. 151–161.
15. Розов Н.С. Клиодинамика без математики: методы и средства исторической макросоциологии // Метод: Моск. ежегод. тр. из обществовед. дисц.: сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2011. С. 239–263.
16. Руткевич М.Н. Макросоциология: методологические очерки. М.: ИФ РАН, 1995. 188 с.
17. Туре Шейк Амала. Институт президентства в государствах Африки (на примере республики Мали) // Вестник РУДН. Сер. «Юридические науки». 2008. № 3. С. 53–57.
18. Фестюжьер А.-Ж. Созерцание и созерцательная жизнь по Платону. СПб.: Наука, 2009. 497 с.
19. Collins R. Prediction in Macrosociology: The Case of the Soviet Collapse // American Journal of Sociology. 1995. V. 100, №. 6. P. 1552–1593.
20. Sanderson S.K. Social Evolutionism: A Critical History. Cambridge, MA: Blackwell, 1990. 251 p.

PHILOSOPHICAL IDEAS IMPACT ON POLITICAL AND LEGAL INSTITUTIONS IN THE HISTORICAL MACRO-SOCIOLOGY LIGHT

N.N. Ravochkin

Kemerovo state agricultural institute, Kemerovo

The article discusses the influence of philosophical ideas on the functioning of political and legal institutions from the historical macro-sociology point of view. The theoretical and methodological basis of this article was formed on the platform of Russian and foreign research in this area. Within the format of the article, the subject area and the status of the chosen study direction, as well as the heterogeneity of interpretations in the description of social processes are examined. It reveals that philosophical ideas are the foundation of the formation and transformation of social realities. Due to the multiple func-

tions of philosophy in the context of historical macro-sociology, the theoretical, prognostic, determinative roles of its intellectual constructs should be distinguished and highlighted.

Keywords: *ideas, historical macro-sociology, political and legal institutions, historical process, society.*

Об авторе:

РАВОЧКИН Никита Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный сельскохозяйственный институт», г. Кемерово. E-mail: nickravochkin@mail.ru

Author information:

RAVOCHKIN Nikita Nikolaevich – PhD, Associate professor of humanitarian and law disciplines dept., Kemerovo State Agricultural Institute, Kemerovo. E-mail: nickravochkin@mail.ru